

47
418 а

411
418 а

~~500~~

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

ОРГАН ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОДСЕКЦИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ СЕКЦИИ ГАХН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЮРИЯ СОКОЛОВА

II—III

МОСКВА
1927

Творчество городской улицы.

В. В. Стратен (Одесса).

Улица, улица,
Улица веселая...

Художественный фольклор, и в частности частушку, мы привыкли рассматривать как деревенскую поэзию. Но, несомненно, и в городе не с сегодняшнего и не со вчерашнего дня существовало своеобразное „народное“, т.-е. устное, творчество. Были ли это „романцы“ (романсы) — переделки литературных произведений, были ли это другие уличные песни, но они были. Понятно, они имели меньший, чем в деревне, и более специфический круг распространения (может быть, лумпенпролетариат, низшие слои рабочих, домашнюю прислугу, уличных детей и пр.); понятно, они больше, чем в деревне, вытеснялись многочисленными песенниками и близостью к образованному обществу. К сожалению, ни бытописатели, ни этнографы, ни фольклористы не обращали внимания на эту сторону, и мы не имеем почти никаких данных, какова была эта поэзия хотя бы лет 15—20 тому назад.

Когда впервые заговорили о деревенской частушке (это было в конце 80-х и в 90-х годах), то скептики и хулигги, нападая на нее, „видели в этих песенках оскорбляющую художественный вкус „фабрично-лакейскую“ и „трактирную“ поэзию“¹). Дело, конечно, не в оскорблении художественного вкуса этих ценителей, с которыми приходилось воевать Д. К. Зеленину и другим собирателям и исследователям частушек, а в том, что здесь подчеркивается связь этих „новых народных стишков“, как назвал их Гл. Успенский, с городом. „Бытовая песня вытесняется новой, так наз. фабрично- заводской“, сокрушается П. И. Тиховский в своем реферате „Падение народной поэзии“, прочитанном на IX археологическом съезде в 1893 году. „Фабрично- заводская — точнее — городская песня“, — говорит он, — „является уже самостоятельным видом народной песни“. „Пошлая песня“, присовокупляет один из выступавших по докладу, „идет из увеселительных заведений, часто бывает от так называемой цыганской“².

¹⁾ Д. Зеленин. Песни деревенской молодежи. Вятка, 1903, стр. 3.

²⁾ Изв. IX археол. съезда в г. Вильне. 1893 г., № 13, стр. 6 и 7.

В другой статье говорится, что „положительное влияние (города и фабрики) как-то затеряется в массе отрицательных, которые одни отражение народной песни“, говорится в брошюре И. Я. Львова, „вызвано знакомством народа с городом и литературным стихом“³). „Новая поэзия народилась впервые в городских и фабричных центрах“, констатирует также Д. К. Зеленин⁴). В то же время Д. К. Зеленин и многие другие исследователи связывают деревенскую частушку с старинной песней. Однакож эта связь точно не определима, и, кроме того, если и существовала старинная традиция, породившая частушку, то независимо от этого, город должен был внести много своего в эти короткие песни-куплеты, в которых ритм и рифма так близки к литературной форме, в которых отражается современность, преломляются новые понятия, новые формы жизни, т.-е. все то, что исходит от города⁵). Таким образом, повидимому, существовала городская „фабрично-лакейская“ и „трактирная“ частушка, параллельно и даже раньше деревенской, но мы из этой области не имеем достаточного материала. Григ. Белорецкий⁶) приводит частушки, записанные им в 1901 и 1902 г.г. на трех южноуральских заводах, но это частушки не специфически-городские, и, кроме частушек на чисто-заводские мотивы, остальные являются теми же деревенскими. Отдельные фабричные частушки и длинные песни приводились и некоторыми другими собирателями⁶), но все это материал случайный и не всегда специфически-городской.

Во всяком случае, обратное движение деревенской поэзии в город должно было иметь место хотя бы в связи с отхожими промыслами, с приливом в город рабочих, сезонных и постоянных, домашней прислуги и пр. Конечно, деревенские песни скоро стирались городскими впечатлениями, но кое-что могло остаться и влияться в творчество городской улицы.

¹⁾ Д. Успенский. Фабричная поэзия. „Книжки недели“, 1895, IX, стр. 16.

²⁾ „Новое время, новые песни“. Устюг. 1891 г. (Цитирую по изложению брошюры в „Вестн. Евр.“, 1892, X, стр. 873). То же самое — в статье А. Равдольского „Новые песни“ („Образование“, 1900 г., № 7—8), вероятно, псевдоним И. Я. Львова.

³⁾ Новые веяния в народной поэзии. М. 1901, стр. 9.

⁴⁾ А. М. Смирнов-Кутаческий развивает даже, с упоминанием Бюхера, целую теорию о том, что „родина частушки — фабрика, и весь процесс формирования и распространения ее стоит в связи с ростом у нас машинного производства“. („Происхождение частушки“, „Печ. и Рев.“, 1925, II, 42). Ср. с старым мнением К Кузминского: „Теперь всякий в одиночку трудится на своей полосе или стоит за станком на фабрике, где шум колес не дает возможности петь хором. Быть может, что этот учащенный и равномерный шум колес способствовал до некоторой степени и смене протяженного пения учащенным“. („О современной народной песне“. „Этн. Обозр.“, 1902, IV, 95).

⁵⁾ Заводская поэзия. „Русск. Бог.“, 1902, XII, стр. 33—50.

⁶⁾ Напр., Д. Успенским (наз. ст.), Алексеем Смирновым (Фабричные песни. „Владим. Газета“, 1903 г., № 117), Г. Л — овым (Заводская частушка. С Южного Урала. „Россия“, 1901 г., № 896); Глеб Успенский в статье „Новые народные стихи“ приводит несколько „длинных“ шахтерских песен из Донецкого бассейна.

В 1915 году Мария Моравская указывает на проникновение этим путем частушек в город и даже огорчается; она огорчается тем, „что частушка, попавшая в город, опошляется, деморализуется. Нигде нет такого множества слов о разбое и пьянстве, как в городских частушках“¹⁾). Можно полагать, что это огорчение происходило только от недостаточного знакомства с материалом, потому что автор слыхал эти частушки от своих образованных знакомых, которые этого материала систематически не собирали, а лишь выхватывали случайное и самое безобразное и циническое, может быть, для насмешки над поэзией кухарок и дворников.

Указание в статье М. Моравской на проникновение частушек в город,—указание, относящееся к 1915 году,—не случайно, так как с началом европейской войны началось массовое передвижение людей из деревни в город. Мобилизованные деревенские смешивались с городскими; необычайные условия и настроения толкали к словесному выражению,—и вот подновлялось старое творчество и являлось новое, вылившееся в частушках, песнях, анекдотах. Происходила „смычка“ деревенской поэзии с городской; стали появляться „странствующие“ песни и частушки, общие городу и деревне.

К этому же времени относит появление частушки в городе и Д. К. Зеленин в своей позднейшей статье²⁾). Разумеется, это можно принять лишь с оговоркой, что речь идет о более или менее массовом появлении частушек, так же как и других видов уличного творчества.

Война, а в особенности последовавшие за ней бурные события революции, гражданской войны, голод, разруха, наконец, нэп,—все это, всколыхнувшіи массы, привело к небывалому оживлению городского уличного творчества, все это сделало улицу как бы клубом, где перемешивались самые разнообразные элементы населения, выливавшие свои чувства, настроения и реакцию на события в метком словечке, в анекдоте, в песне, в частушке. Городская уличная поэзия, влакившая доселе жалкое существование и шедшая, повидимому, к быстрому умиранию, более быстрому, чем деревенская, вдруг расцвела напоследок пышным цветом. Расцвела и быстро отцвела; приблизительно с 1924 года, когда жизнь стала окончательно входить в норму, эта поэзия замолкла. Теперь не услышишь недавних песен и частушек, которые несколько лет тому назад можно было в изобилии улавливать повсюду: на улице, на базаре, в клубе, от уличных и дворовых детей, от взрослых, от женщин, в рабочей среде, в интеллигентской. Остатки этого творчества сохранились, вероятно, только среди беспризорных, и, надо полагать, с ликвидацией этого печального явления ликвидируется и городское уличное творчество, которое, как ни любопытно само по себе, может существовать

только в среде деклассированной и мало тронутой грамотностью, и расцветать на этой почве в моменты исключительных общественных явлений.

И вот этот ценный материал—современное городское уличное творчество — как-то ускользнул из поля зрения собирателей, повидимому, исключительно только из-за традиционного игнорирования городского фольклора. Даже слыша на каждом шагу в городе уличные песни, собиратель в эти бурные годы проходил мимо них, забывал о них и все свое внимание устремлял на деревенское творчество, разумеется, более богатое, но все же не исключающее интереса к творчеству городской улицы, которое ценно и само по себе и в смысле освещения взаимных влияний города и деревни.

В печати нет ни одного сборника или каких-нибудь систематических записей, посвященных творчеству городской улицы. Приводится лишь частичный материал среди деревенского у Ю. Соколова (Москва), в статье Серафима Огурцова (Иваново-Вознесенск?) и в украинских записях—Капустянского (Харьков), Зеленина (Харьков), Ети. Вісника, 1925 г. (Киев). Кроме этих мимоходом сделанных записей¹⁾, я располагаю собранием, заключающим одесское уличное творчество за революционные годы. Записи произведены мною и (главным образом) юными собирателями-участниками преимущественно в 1922 и 1923 г.г. Этот материал позволяет мне сделать некоторые выводы о творчестве современной городской улицы.

В основе творчества городской улицы, как и современного деревенского творчества, лежит частушка. Частушка, способная, по выражению Ю. М. Соколова, с кинематографической быстротой менять мотивы и содержание, претерпела большие изменения. Преобладающим мотивом в старой частушке является любовный. Любовные частушки в старых сборниках составляют подавляющее большинство. В сборнике Елеонской по приблизительному подсчету (приблизительному—так как мотивы любовные, бытовые, сатирические и др. часто переплетаются) на 6020 частушек приходится: любовных—4125, бытовых—1485, сатирических и юмористических (шуточных и плясовых)—385 и общественных—только 35. Общественные мотивы такие: богатство и бедность, протест против солдатчины и рекрутчины, война с Японией, упоминание революционных моментов—забастовки, прокламации и т. п. Конечно, не все общественно-политические частушки могли найти место в сборнике по цензурным условиям, но ясно, что количество частушек не могло быть велико, иначе мотивы их отразились бы в большей степени на „легальных“ частушках. К сожалению, сборнички современных частушек (Князева, Жарова) не дают полной картины, потому что представляют отбор преимущественно политических частушек и даже в значительной степени специфически комсомольских. Но, повидимому, можно думать (судя хотя бы по

1) Пoesia milijonov ljudей. „Russk. myslъ“, 1915, XI, стр. 16 (II отд.).

2) Das heutige russische Schnaderhüpf (častuška). Zeitschrift für slavische Philologie. Lpz, I, 343.

1) Впрочем, есть еще ненапечатанные материалы у Ю. М. Соколова, Д. К. Зеленина, может быть, у других лиц.

статьям Ю. Соколова, Тана¹) и Капустянского), что общественные и бытовые мотивы в частушке современной деревни выдвигаются, если не на первый план, то на значительно более почетное место, чем в старой деревне. „Любовные мотивы,— говорит Ю. М. Соколов,— занимают сравнительно с прошлым, дореволюционным временем, значительно меньшее место в песенном и частушечном репертуаре“²). В этом отношении любопытен сборничек частушек 1926 года, выпущенный под редакцией Н. Н. Захарова-Мэнского издательством „Огонек“: здесь собраны более или менее равномерно разные виды бытующих ныне частушек. Здесь на 324 частушки имеется 135 любовных—процент значительно меньший, чем в старых собраниях. В городском уличном творчестве картина меняется еще более резко: как из нашего собрания одесских частушек, так и из разных печатных материалов (правда, отрывочных) видно, что любовные частушки занимают незначительное место—их можно считать единицами; материал почти поровну распределяется между политическими и бытовыми частушками. Политические события, ломка общественных отношений, необычайные условия быта—вот что выдвигается на первый план. Серафим Огурцов, делавший (в 1921 г.?) наблюдения над городской фабрично-заводской частушкой (впрочем, поверхностные), говорит: „У города, так же как и у деревни, существуют свои частушки, отражающие настроения рабочих, их жизнь и пр. По своей форме городская частушка схожа с деревенской; но городская частушка творится в процессе фабрично-заводского труда, рабочие выливают в частушке свои радости и горести жизни, в городской частушке нет тех мотивов, какие можно найти в деревенской“³). Но он приводит мало материала для суждения о мотивах городских частушек и не захватывает разных слоев городского населения.

При всей текучести содержания форма частушек поражает устойчивостью. С устойчивостью формы можно связать и сохранение в настоящее время, после всех бурных событий, внесших новые мотивы и содержание, многих старых частушек в неприкосновенном или почти неприкосновенном виде. Это обстоятельство подчас даже вводит исследователей в некоторые заблуждения. А. М. Смирнов-Кутачевский посвящает специальную статью „хулиганской частушке современной деревни“⁴), где он приводит целых 60 частушек, характеризующих, по его мнению, хулиганство нынешней деревни. Но из этих частушек нет ни одной, которая имела бы хоть какие-нибудь намеки на современный советский быт: нет даже самогона, а есть кабак; упоминаются солдаты, рекруты, Сибирь (каторга). Большинство из этих частушек текстуально или с некоторыми вариациями можно найти у Елеонской, Симакова и в других старых сбор-

¹⁾ Революция в деревне. Очерки под ред. проф. В. Г. Тана-Богорада. М. 1924.

²⁾ Что поет и рассказывает деревня. „Жизнь“, М. 1924, I, 310.

³⁾ Частушки (Иваново-Вознесенского края). „Кр. новь“, 1922, IV, 112.

⁴⁾ „Печ. и рев.“, 1925, VII, 128—132.

никах. Значит, многое в этих частушках, хотя и записанных теперь, но сочиненных раньше, можно отнести к формальному сохранению традиции. Так же точно к неправильному выводу приходит Ю. М. Соколов¹), говоря о „местной сатире“, будто бы выросшей в частушке за последние годы.

Такая частушка:

Как ванеевских ребят
Издали можно узнать:
Брюки рваные, худые,
Ноги тонкие, кривые, —

не новая. Подобные частушки, выражающие местную сатиру по отношению к соседней деревне, селу и пр., см. в изобилии в старых сборниках Елеонской, Симакова, Князева. И вообще, из известных в печати современных записей частушек можно выписать целый ряд номеров, имеющихся в старых сборниках и указывающих на живучесть традиции²).

Летом 1924 г. в с. Парутине Очаковского округа (там, где происходят раскопки древней Ольвии) мной записана „долгая“ песня (набор отдельных четырехстишных частушек), которая начинается так:

Рыба по-суху не ходит,
Без воды не может жить.
Я у милого влюбилась,
Не могу его забыть.

Этот куплет (как отчасти и следующие) представляет вариант северных записей, напечатанных Князевым, Елеонской и Симаковым выше 10 лет, а Зелениным выше 20 лет тому назад! Частушка эта, бытавшая за много лет в Вятской и других северных губерниях, перебросилась через средние губернии на юг, и здесь, выдержавши бурю и натиск войны, революции, переворотов и всяческих политических и гражданских потрясений, преспокойно поется 16-летними девушками, знающими новую жизнь и новые песни.

Эта устойчивость частушечной традиции дает возможность легкому и быстрому возникновению новых частушек. Стоит только исполнителю заменить одно-два слова в частушке, не заключающей в себе параллели, или две строчки в частушке (четырехстишной), построенной на приеме параллелизма,— и получается новая частушка.

В записях современных частушек (Князева, Жарова, Ю. Соколова и др.) таких новообразований можно найти чрезвычайно много.

Так, в изд. „Огонька“, стр. 44:

Наливай, мамаша, чаю
В советские чашки,
Скоро миленький приедет
В красненькой рубашке.

¹⁾ Назв. ст. в ж. „Жизнь“, 1924, I, 307.

²⁾ В сборнике М. И. Смирнова „Частушки Переславль-Залесского уезда“ (М. 1922) на 800 частушек приходится не больше 20 на военные и революционные мотивы. Но, повидимому, здесь мало свежих записей.

У Жарова, стр. 12:

Ставь, мамаша, самовар
И новые чашки,
Комиссар ко мне придет
В красненькой рубашке.

У Ю. Соколова, стр. 298:

Поставь, мама, самовар,
Золоченый чайник.
Мой Андрюшка комиссар —
В городе начальник.

Это — перепев распространенной частушки, много раз отмеченной у Елеонской, напр., под № 2555:

Поставь, мама, самовар,
Золотые чашки:
Ко мне миленький придет
В вышитой рубашке.

Она же есть у Зеленина, № 230, и в „Этн. об.“ за 1897 г., II, стр. 108. Подобная же частушка, как мне известно, пелась в дореволюционное время и в Екатеринославе.

Или у Жарова, стр. 21:

Меня солнышко не греет,
На головушку туман.
Попадись, белогвардеец —
Сброшу в море-океан.

У Елеонской, № 152:

Меня солнышко не греет,
Над головушкой туман.
Меня миленький жалеет,
Не скажу, подружки, вам, —

т.е. второй член параллели механически заменяется новым образом, не сохраняющим старого, может быть, символического значения.

Или у Смирнова, № 228:

С неба звездочка упала,
С высоты на самый низ.
Мой-то мил красноармеец,
У подружки — коммунист.

У Елеонской, № 3329:

С неба звездочка упала
На сарайчик тесовой,
Моя мила замуж вышла —
Оставляет сиротой.

И т. д., и т. д. Иногда сохраняется лишь первая строчка, начальный штрих картины, „зачин“: „Из колодца вода льется“, „Шел я полем, шел я лесом“, „Мне сказали на вокзале“, „У тальянки медны планки“ и т. п. Такие одностroочные или двухстрочные зачины можно видеть в бесчисленных нынешних куплетах „Яблочка“ (ср. у Елеонской № 3793), „Я на бочке сижу“ (ср. у Симакова № 2966), или в такой частушке как, напр.:

На столе стоит тарелка,
А в тарелке виноград.
Николай продал Россию,
А Керенский — Петроград.

Здесь неожиданное сочетание двух частей кажется нарочито-нелепым, параллелизм является как будто непонятным, но это происходит от сохранения той или другой частушечной традиции, оттого, что к старому зачину механически присоединено новое окончание. Подобным приемом могут создаваться и совершенно новые частушки, напр.:

По улице Степовой,
Ходит электричка.
Мой муж большевик,
А я большевичка.

Если в вышеприведенной частушке („На столе стоит тарелка“) зачин старый (ср. у Елеонской № 4716), то в последней он уже, несомненно, новый, но формально все же подчиненный традиции.

Эта традиция, повидимому, одинакова, как на Севере, так и на Украине. Наше собрание, заключающее одесское уличное творчество, имеет много общего как с русскими записями, так и с украинскими (Капустянского, Зеленина — в немецкой статье, Етнографічного Вісника 1925 г.). Есть целый ряд странствующих частушек и песенок и странствующих не только между севером и югом, но и между городом и деревней. Некоторые украинские исследователи ставят частушку в связь с галицкой „коломыйкой“, имевшей распространение и в пределах восточной Украины¹⁾). Но эта связь так же проблематична, как и связь великорусской частушки с старинной плясовой песнью. Во всяком случае, как ни смотреть на происхождение частушки, ядро частушки, как мы ее знаем в современном виде, сложилось на Севере. В 90-х годах все исследователи говорят только о русской частушке; в 900-х годах, когда был сделан ряд записей частушек, мы тоже не видим украинских частушек. Нынешний поток частушек на наших глазах шел определенным образом с севера на юг и здесь попадал прежде всего и больше всего в город, откуда проникал в украинскую деревню. Шел этот поток через войско-

¹⁾ См. Коротенькі пісні („частушки“) років 1917—1925. Передне слово О. В. Олекіївської („Етнографічний Вісник“, кн. I, 1925 г. Київ, стр. 25), которая смотрит на украинскую частушку, „як на факт зрошення (контамінації) як російської, так і української традиції“.

ые части, демобилизованных солдат, красноармейцев, матросов, а также мешочников и мелких спекулянтов. Здесь на местах частушки перепевались, приспособлялись, расширялись и множились, и таким образом получился целый цикл украинских частушек с своеобразным русско-украинским жаргоном. В деревенской частушке все же преобладают украинские элементы частушечного жаргона, а в городе — русские. В упомянутых мною украинских записях городские частушки — преимущественно русские; в нашем собрании русские частушки составляют подавляющее большинство. Это обстоятельство не помешало все-таки частушке украинского города до известной степени обособиться от Севера и составить свои циклы, известные также и украинской деревне. Таковы некоторые серии „Яблочка“ и отдельные его куплеты, как, напр., про одесский „Алмаз“ или про немецкую оккупацию:

Ой, яблочко,
Куда котишься?
На Алмаз попадешь —
Не воротишься.—

Украина молодая,
Куда котишься?
В Берлин попадешь —
Не воротишься,—

с различными вариантами, встречающимися и в нашем собрании, и у Капустянского, и у Зеленина, и в „Етн. Вісн.“. Сюда же относятся такие ряды, как, напр.:

Я на бочке сижу,
А под бочкой слизько;
Тікайте, деникинці,
Бо комуна близько.

У Київи дош іде,
А в Полтаві слизько;
Гей, тікайте, комуністи,
Бо Петлюра близько¹⁾—

в бесчисленных деревенских вариантах, встречающихся в городах. Можно привести еще такие частушки, известные нам только в южных вариантах:

Огурчики зеленые,
Редиска молодая.
Давайте нам свободу
И скиньте Николая.

На столе стоит тарелка,
А в тарелке виноград.
Николай продал Россию,
А Керенский — Петроград.—

¹⁾ Капустянский, стр. 18 и 16.

и ряд позднейших производных отсюда. Не говорю уже о целом ряде бытовых частушек чисто местного свойства. Но особого внимания заслуживает „Яблочка“. „Яблочка“ в разных многокуплетных вариантах и в отдельных куплетах является самой распространенной из современных форм частушки — и именно на Украине (северные варианты появились как будто позже и не так обильны). На мотив „Яблочка“ и с формальным его началом („Ой, яблочко“ или „Я на бочке сижу“) составляются четырехстишие куплеты самого разнообразного содержания — политические, бытовые, любовные, которые потом, повидимому, механически сливаются в многокуплетное „Яблочка“. Различных серий „Яблочка“, как указывает Капустянский, насчитывается до 60, и они одинаково распространены как в деревне, так и в городе. В городе „Яблочка“ распевалось в годы 1918—1923, затем стало исчезать, вместе с отмиранием уличной поэзии. На одесской улице „Яблочка“ в основных своих куплетах пелось так:

Ой, яблочко,
Куда ты котишься?
Ой, мамочка,
Мне замуж хочется.

Я на бочке сижу,
А бочка котится.
Денег нет ни гроша,
А выпить хочется.

Я сижу у окна,
Пролетела птичка.
Мой муж гайдамак,
А я большевичка.

А отсюда бесконечные вариации, в которых основой служит первый или второй куплет. Такие вариации в изобилии см. у Капустянского, у Зеленина, в „Етн. Вісн.“.

Несмотря на видимое возникновение „Яблочка“ на наших глазах, форма его не новая. Некоторые исследователи, указывая на большое распространение „Яблочка“ именно на Украине, говорят об украинском происхождении „Яблочка“. И. Капустянский (стр. 25) даже производит „Яблочко“ от одесского куплета об „Алмазе“, приведенного выше. Но основой для последнего могла служить частушка военного времени:

Ой, яблочко,
Куда котишься?
На войну попадешь —
Не воротишься,—

или частушка более общего характера:

Ой, яблочко,
Куда котишься?
Ко мне в рот попадешь —
Не воротишься.

В. Белый¹⁾ и Д. К. Зеленин²⁾ находят более старый украинский корень и приводят частушку:

Котись, яблучко,
Куди котишься,
Оддай, матінко,
Куди хочеться. (1908 г.)

Котись, яблучко,
Куди котишься;
Віддай, таточко,
Куди хочеться.

Кроме того, Д. К. Зеленин указывает на форму слова „котишься“ (на о), которая, по его словам, является украинской. В противоположность этому, куплеты „Я на бочке сижу“ Зеленин относит к Северу³⁾. Однако куплеты „Я на бочке сижу“ тесно связаны с куплетами „Ой, яблочко“, и в многокуплетном „Яблочке“ обычно после куплета „Ой, яблочко“, как мы видим, следует „Я на бочке сижу“. Последнюю форму можно было бы, пожалуй, сопоставить с старинной песней:

Я вокруг бочки хожу,
Вокруг дубовенькой, и т. д.⁴⁾,

на которую сочинена Пушкиным пародия „Я вокруг Стурды хожу“. Ср. также ряд песен, переходящих в пародию:

Я вокруг келейки хожу,
Я вокруг новенъкия,
Вокруг сосновенькия, —

где в вариантах, вместо того чтобы приглашать на молитву, девица несет „младу старцу“ штоф рому или водки⁵⁾.

Как бы то ни было, обе формы—„Ой, яблочко“ и „Я на бочке сижу“—встречаются в военных северных частушках. См., напр., у Елеонской №№ 3793 и 21 (Калужск. и Арханг. губ.):

Яблочко, куда котишься?
Ай, маменька, замуж хочется.

Я на бочке сижу,
Бочка катится.
Теперь миленький не любит,
После схватится.

1) „Етн. Вісн.“ 1925 г., стр. 27.

2) Нем. ст., стр. 356.

3) Там же, стр. 258.

4) См., напр., у Шейна „Великорусс“, т. I, № 1020.

5) А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, стр. 321—41
ср. также у Шейна „Великорусс“, т. I, № 1068.

у Симакова, № 2966:

Я на бочке сижу,
Слезы котятда;
Денег нет ни гроша —
Выпить хочетца. (Волог. губ.)

Здесь мы имеем, вопреки утверждению Зеленина, и в средней Калужской и в северной Вологодской губерниях одинаковые формы „котишишься“, „котится“—на о. Таким образом, основа „Яблочка“ могла быть занесена на Украину с Севера, затем здесь (особенно в городах) получить нынешнее развитие.

Различные серии „Яблочка“, общие украинскому городу и деревне, в городе обособляются в смысле языка (русского) и до известной степени в смысле содержания. Основное содержание „Яблочка“—политическое, отражающее гражданскую войну, многочисленные перевороты на Украине, партизанщину, бандитизм. Легкая изменяемость содержания „Яблочка“, при сохранении нескольких основных формальных зачинов, неизменно лучше соответствовала бесчисленным сменам властей и политических событий и крепко связала „Яблочко“ со всем происходящим.

Переменяется власть—и в „Яблочке“ переменяется одно слово. Или „Яблочко“ переходит от одного исполнителя к другому и становится революционного контр-революционным или обратно, Напр.:

Ой, яблочко,
Покатилось,
А советская власть
Провалилась.

Варианты: „кадетская“, „утвердилась“. Или:

Я на бочке сижу,
А под бечкой склизко.
Мой муж гайдамак,
А я большевичка.

Здесь „гайдамак“ и „большевичка“ имеют бесконечные варианты различных комбинаций. Основные формальные зачины („Ой, яблочко, куда котишишься“, „Ой, яблочко, покатилось“, просто „Ой, яблочко“, „Я на бочке сижу“) получают такие продолжения, которые отражают любой текущий момент или любую социальную группировку. Поэтому политические куплеты „Яблочка“ в городе, пережившем вместе с деревней те же события и настроения, варируются только немногим.

В нашем городском собрании есть еще целая серия, также примыкающая к „Яблочку“—про городских „буржуев“:

Раньше все буржуи
Ездили на дачи,
А теперь они кричат:
Бублики горяч!

Раньше все буржуи
Имели миллионы,
А теперь они кричат:
Огурцы зелены!

И т. д.

Здесь уже, как и в вышеприведенной серии „Я на бочке сижу“, отражается ломка общественно-бытовых условий. Вообще же бытовые частушки меньше связаны с „Яблочком“ и больше разнообразятся по форме.

Бытовые частушки городской улицы наиболее обособились, приобретая наиболее локальный характер. Такие частушки:

Одесса освещенная,
Лектричеством снабженная.
Шел я по Соборной,
На столб наткнулся мордой.

Три лимона уплатил
Комиссару я за воду;
Сам на Чумке я живу,
В порт хожу по воду,—

не выходят из рамок местного значения, так как нужно знать, напр., что Соборная — это площадь, где находится сквер для гуляния, что Чумка — это место, где находится водопроводная станция, на окраине, противоположной порту. Однако любопытно отметить, что некоторые чисто одесские частушки получили неожиданное распространение. Не говоря уже про „алмазовские“ частушки, известные в многих местах Украины, несколько одесских частушек, записанных у меня под 1918 годом, в этом же году и позже оказались записанными на Киевщине и в других местах¹⁾. Такова, напр., частушка:

Ах, Одесса,
Зачем нос повесила?
Если с голоду не здохнешь,
Будет весело.

Записанная в Киевшине в 1921 г.:

Ей, Одесса,
Чого нос повесила?
Коли с голоду не здохнешь—
Будет весело.

Это — ясное свидетельство про свойство частушки легко перебрасываться с места на место (путь: Одесса — Киев — деревня) и про взаимовлияние в этом смысле между городом и деревней.

Городская улица выдвинула свои частушки и песни, выдвинула и своих творцов и исполнителей. В старой деревне главными творцами

и исполнительницами были девушки. В сборнике Елеонской женских частушек — 3840, мужских — 1280 (второе меньше), неопределенных (в том числе диалогических) — 900. В современной деревне процент мужских частушек, надо полагать, увеличился, так как в создании политических деревенской молодежи. На городской улице первыми и главными исполнителями и в значительной степени творцами песен являются уличные мальчики и подростки — чистильщики сапог, продавцы папирос, газет, бубликов, сладостей, беспризорные. Затем идут базарные торговцы и торговки. В соответствующие бурные моменты выступали на сцену матросы, красноармейцы, рабочие. Комсомолия, имеющая свои литературные песни, мало себя проявила в городском уличном творчестве, в противоположность деревенскому. Поток контр-революционных, злобных частушек исходил из трудно определимой мещанской, обывательской массы — может быть, от ремесленников, торговцев, мелких спекулянтов, особенно от мешочников, разъезжавших между городом и деревней. Творчество различных социальных группировок, вливаясь в улицу, подхватывалось уличными детьми и подростками, которые, будучи очень экспансивны и восприимчивы по натуре, переваривали в своем репертуаре решительно всё — и воровскую песню, и театральные куплеты, и революционную частушку, и контр-революционную. Так, какой-нибудь чистильщик сапог мог с одинаковым чувством петь сначала:

Ой, яблочко
Покатилось,
А советская власть
Провалилась, —

а потом:

Ой, яблочко
Покатилось,
А советская власть
Утвердилась.

Вследствие этого нельзя установить конкретного социального источника той или другой частушки. Об ее социальном происхождении обычно можно судить, исходя лишь, с большей или меньшей точностью, от ее содержания. В 1918—1923 годах улица являлась как бы ареной, на которой уличные дети-исполнители выкладывали пестрый репертуар для самой разношерстной публики, впитывая этот репертуар от разношерстных творцов и сами участвуя в этом творчестве.

По исполнению городская частушка тоже отошла от деревенской. Впрочем, и деревенская частушка переживает в этом отношении эволюцию. В своей немецкой статье Д. К. Зеленин обращает внимание на то, что частушка почти потеряла связь с музыкой и пением и может декламироваться, „насказываться“ как стихотворение. По словам Зеленина, связь частушки с гармоникой („тальянкой“) нарушилась только в по-

¹⁾ См. „Ети. Вен.“, 1925 г., стр. 30 и 34.

ледние годы, когда частушка проникла в город¹⁾. В городе частушка окончательно оторвалась от гармоники. Напев частушки остается утвержденным и переходит часто в речитатив („насказывание“). Число напевов невелико. Большинство частушек равняется по напеву „Яблочка“, многие, особенно позаимствованные из театральных куплетов, сохраняют напевы этих куплетов, которые часто тоже близки к речитативу. В общем мы видим очень сильный отрыв частушки от пения. Иногда одна и та же частушка то поется, то прямо сказывается, выкрикивается, так сказать, на ходу²⁾.

Сильное влияние оказали на городскую частушку различного рода „халтурные“ театральные куплеты, в изобилии исполнявшиеся в многочисленных театрах миниатюр, в цирках и на так наз. эстрадах всякого рода. Эти куплеты обычно кропались самими исполнителями и являлись такими же злободневными однодневками, как и частушки. Еще раньше, как указывает и Зеленин³⁾, деревенская частушка проникла в городской балаган. Теперь городская частушка — „Яблочко“ и пр. — в свою очередь стали воздействовать на театральный куплет, но еще сильнее оказалось обратное воздействие. Попадая на улицу, театральные песенки вариировались, часто разрывались на части; чаще же всего отрывались от них отдельные наиболее понравившиеся куплеты и особенно припевы, которые лучше всего запоминались. Эти припевы и куплеты получали самостоятельную жизнь и служили основой для создания ряда новых частушек. Такова, повидимому, частушка:

Улица, улица,
Улица веселая.
Ах ты, время времячко,
Времячко тяжелое, —

и ряд производных отсюда. Или таков куплет:

Как в Одессе на базаре
Всё дешевые товары:
За лимончик та ще в гаком
Ты получишь дулю с маком.

И т. п.

Многие театральные куплеты и песенки целиком или с некоторыми вариациями попадают в репертуар уличных исполнителей и таким образом также составляют своеобразную часть уличного творчества⁴⁾.

1) Назв. ст. Zeitschr. f. slav. Phil., 1925, I, 355.

2) Наиболее характерные напевы в нашем собрании записаны оперным артистом Н. М. Барышевым.

3) Назв. нем. ст., стр. 355.

4) Никак нельзя согласиться с И. Капустянским (стр. 25), который относительно театральных куплетов говорит: „Их не можно брати до уваги, хоч факт поширення свідчить за де-яку їх життєвості“. Конечно, их надо иметь в виду, но с указанием на источник.

Значительную долю в этом творчестве занимают и пародии. Как на основе старых частушек создаются новые, так же точно на основе популярных песен рождаются пародии на целую песню или на отдельные ее куплеты, преимущественно начальные. Напр.:

І шуме і гуде
Сам Петлюра йде,
Утікайте, комуністи,
Бо Петлюра морду бъе.

Мы смело в бой пойдем
За суп с картошкой.
И всех кадет побьем
Столовой ложкой.

Такие пародии приобретают характер подлинной частушки и получают самостоятельное существование, рождая ряд новых вариантов.

Очень близки к частушкам „аровские“ песни, возникшие преимущественно в 1922 г., когда функционировала АРА — „Американская Администрация Помощи“, деятельность которой заключалась в устройстве столовых и раздаче американских посылок; примыкают также к частушкам называния уличных и базарных торговцев и торговок. И „аровские“ песни и называния торговцев имеют своеобразные напевы (называния торговцев выполнялись прогряжным речитативом), форму и содержание, и теперь совершенно исчезли. Вот некоторые образцы:

Арà, арà, я вас умоляю,
Пошлите мне посыпочку,
А то я умираю.

Арà, арà, я вас умоляю
Передайте тете Лее,
Чтоб послала нам
Посылку поскорее.

Ара столовки открывает
И бедных деток там питает.
Кушать надо только в меру,
А то свирепствует холера.

Эй, люди добрые,
Дайте торговать,
А то мне холодно стоять.

Вот оно, вот оно.
Ночью сработано,
Днем продаем.
Ай, навались,
У кого деньги завелись!

Чай, сахар, нафталин,
Перец, сода, сахарин,
Кому надо, продадим.
Деньги есть — подходи,
Денег нету — уходи.

Наш хозяин умер,
Надо хоронить,
Нехватает денег,
Чтобы гроб купить.
Берите бублики,
Горячие бублики.

После частушек следующее место в творчестве улицы занимают длинные песни различного характера. Некоторые из них являются собственно небольшими песенками, занимающими по величине и форме промежуточное место между частушкой и песней. Таковы, напр., киевские „Лимоны“¹⁾ или одесский „Цыпленок“ („Цыпленок вареный, цыпленок жареный, цыпленок тоже хочет жить“ и т. д.), в многих вариантах. Среди одесских длинных песен в обильных вариантах фигурирует популярная „воровская“ песня с припевом „Чум-чара“ и „ку-ку“, певшаяся в 1923 году и в Одессе, и в Харькове, и в Киеве. Эта песня относится к разряду тех, которые раньше не были известны широкой улице и вынырнули в бурный период из „блатной“ среды вместе с блатным языком, с многочисленными блатными словечками. В. Белецкая посвящает исследованию этой песни целую статью²⁾, где указывает, что основой песни в разных вариантах являются куплеты про конокрада и про то, как он просит жену выручить его из тюрьмы, а та ему отказывает; к этой основе механически прибавляется ряд куплетов разнообразного, часто злободневного характера. Но в наших вариантах эта основа иногда совершенно исчезает. Любопытно отметить, что имеется и деревенский вариант, записанный мной в с. Парутине, куда он попал, повидимому, из Одессы. Здесь припев „чум-чара, ча-ра-ра“ поется так: „Чи вчора, чи вчера“.

К длинным песням нужно отнести и ряд песен искусственного, театрального происхождения, пошедших гулять по улице. Из таких песен очень популярными были: „Свадьба Шмеерзона“ („Первая свадьба Шмеерзона“—времени военного коммунизма, и 2-ая—нэпманская), „Современное танго“ (о каховском раввине и дочери его Енте), „Танго Керенского“, „Танго Ланжерона“ (Ланжерон—один из одесских пляжей), „Урожай“ (есть вариант у Капустянского, стр. 24), „Шлёма Пик“ („Жил на Молдаванке Шлёма Пик“—ср. киевскую песню „Жил был на Подоле Хаим Пик“), „Вещи“, „Соль“ и некоторые другие. К сожалению, эти песни записаны у нас не полно и не вполне точно—не точно именно против уличной их редакции. Юные собиратели записали многие из этих песен на память, не имея часто под рукой исполнителей. Не сохранилось также и первоисточников для сопоставления их с уличной редакцией. „Свадьба Шмеерзона“ (1-я и 2-я) была даже издана в нотах, но затем изъята из продажи, и достать теперь эти ноты не удалось. Все эти песни—злободневные. „Танго Керенского“, напр., отражает политический момент,

3 „Танго Ланжерона“—бытовой. Это своего рода пародии на пресловутое „Танго“ („Под небом знойной Аргентины“). Приведу начало этих двух песен:

Зачем нам быть, поверьте, вовсе в Аргентине,
Посмотрите, что творится здесь на Украине.
Россия наша разрывалась на все части.
И каждый день приходят к нам другие власти.
Керенский начал свое танго неумело,
И от него гражданство всей России заболело.
Тут Ленин, Троцкий, видя, что плохое дело,
Внесли свое танго.

Спою, товарищи, вам танго Ланжерона,
Когда в день праздничный я видел там Арону,
Который легко загорал на мягким пляже,
И тело было все подобно черной саже.
Ему там было хорошо, как в сказках мира,
Как вдруг раздался крик: ловите девертира!
Не знаю дальше, опиши певец там мира (?)—
Поднялось там танго.

Такого же злободневного характера и остальные песни этого рода. Нет, к великому сожалению, записи кукольного театра, который в 1922—23 гг. часто появлялся на базаре. Это—южный вариант Петрушки. Здесь, кроме неизменных Ваньки и чорта, фигурирует еще французский капрал—тоже старый персонаж, но, по совпадению, намекающий на французскую оккупацию. Ванька ругательски ругает француза и побивает его, бьет всяких других лиц (доктора, полицейских), но, наконец, появляется чорт, побивает самого Ваньку и утаскивает его в преисподнюю.

Легенды в уличном творчестве представлены гораздо слабее, чем в деревне. Хотя в городе в 1921—22 гг., как и повсюду, прошла полоса мистических настроений, своеобразно отразившихся в уличных и в интеллигентских кругах, но, конечно, здесь эта мистика не имела такой почвы, как в деревне. В деревне, и именно украинской, мифотворчество о чудесах и светопреставлении было гораздо шире, и особенно широким потоком разлилось в 1923 году, когда в Правобережной Украине совершились массовые паломничества для водружения крестов в Калиновке и в „Сафатовой“ („Иосафатовой“) долине¹⁾. Вся эта мистика нашла свое отражение и в городах (Киеве, Одессе, Харькове и др.) в мифах об обновлении икон, куполов и пр. Конечно, все эти мифы—не новое явление. Из архива одесской консистории извлечены материалы, свидетельствующие о мошеннических проделках с обновлением икон в старое время, проделках, на основе которых создавались соответствующие легенды²⁾.

¹⁾ Подробности об этой эпидемии чудес и мистических настроений, с относящимися сюда легендами и песнями, см. в „Етн. Вісн.“, I, 1925 г., стр. 41—61: Олена Пчілка. Українські народні легенди останнього часу (41—49); Никанор Дмитрук. Про чудеса на Україні року 1923-го (50—61).

²⁾ Доклад об этих материалах был сделан в 1924 г. в Одесской комиссии краеведения проф. А. И. Покровским.

1) См. „Етн. Вісн.“, I, 1925 г., стр. 29 и 34.

2) В. Білецка. З студій над сучасними піснями. До історії походження і розвитку однієї пісні, р. 1923-го, „Етн. Вісн.“, II, 1926 г., стр. 38—43

Такие проделки совершились и на наших глазах, и отсюда — легенды об обновлениях. На ряду с легендами, „чудеса“ эти вызывали и насмешливые частушки. На другой день после такого „чуда“ в одесском соборе, 26 авг. 1923 г., нашими юными собирателями были записаны следующие частушки, распевавшиеся мальчиками в толпе на соборной площади:

Я выхожу на улицу
И слышу, что случилося:
На Соборной площади
Икона обновилась.

Икона обновляется,
За свечки все хватаются.
Попы же без стеснения
Всем делают обновление¹⁾.

Икона обновляется,
За карманы все хватаются.
На Соборной площади
Воришки наживаются.

Подобное „чудо“ в харьковской Вознесенской церкви (в том же 1923 г.) вызвало в Харькове такое же творчество. См. „Етн. Вісн.“ 1926 г., стр. 40:

На Вознесенской шум и гам:
Обновился божий храм.
Бабы бегают, кричат,
На обновление глядят.

Но легенд об одесском чуде у нас не оказалось. Зато у нас записана легенда о киевском чуде (июль 1923 г.). Здесь для придания большей достоверности фигурирует даже, как¹ первый очевидец чуда, иноверец еврей, который услышал гром, увидел молнию, облака, спускавшиеся на купол церкви, и пр.

Из другой серии легенд следует отметить записанную у нас легенду о трех старцах и красноармейце, которого старцы, сидящие в хате с загадочным светом, погружают за неверие в бога по пояс в землю и заставляют читать евангелие. Это тоже возрождение старого сюжета, дающего пищу легендам в эпохи мистических настроений. Этот сюжет обновился в наше время и циркулировал, повидимому, в разных местах Украины, на что указывает П. Попов²⁾.

Эта легенда, как легенда про чудесного вола, появившегося в голодный год, занесена в город из деревни. Но город имел в эти бурные годы, когда, казалось, даже стихии ополчились на революцию, и свое собственное мифотворчество, которое коснулось также и обыкновенных интеллигентских кругов. Несомненно, из этих „интеллигент-

¹⁾ Явно — неточная запись; повидимому: „Свершают обновление“. Ред.

²⁾ „Етн. Вісн.“, II, 1926 г., стр. 13.

ских“ кругов вышла легенда про циклон (на уличном языке — „циклон“¹), который должен был 17 янв. 1920 г. понизить температуру до — 60°. В начале января 1920 года многие одесские обыватели, не говоря уже о базарных торговках, искренно верили, что именно в день 17 января произойдет ледяная буря, которая всех заморозит. Через год, в январе 1921 года, в связи с ярким сиянием Марса, происходили толки о том, что Марс сошел с своей орбиты, и предсказывалось не то падение Марса на солнце, не то столкновение его с землей, в результате чего ожидалась гибель земного шара. Тогда же сложилась про Марс частушка:

Разнеслась повсюду слава:
Марс покинул звездный мир.
Берегись попасть в облаву,
Наш небесный дезертир!

Частушка эта создана и вращалась в интеллигентской среде, где по поводу ожидаемого столкновения с Марсом усиленно говорили о катастрофе, подкрепляя разговоры даже quasi-научными соображениями. В 1923 г. часть этой „интеллигенции“ вместе с остальной обывательской массой участвовала в распространении мифов об обновлении икон, куполов и пр. В деревне обновлялись свои церкви и иконы, в городе — свои. Но после 1923 года эта мистическая полоса как в деревне, так и в городе кончилась, и как бы наступила полоса оздоровления.

И вообще с 1924 года пошел на убыль весь городской уличный фольклор. Фольклор этот, в прошлом совсем не зафиксированный, слишком слабо зафиксирован и в настоящем. Наши материалы и то, что напечатано в указанных мною статьях, открывают небольшой угол, относящийся к Одессе и некоторым городам Украины. И, к великому сожалению, момент расцвета уличной поэзии уже упущен: мы вступили в новую эпоху — эпоху строительства, эпоху деловых будней, эпоху, когда улица перестала быть клубом, когда по улице прохожий лишь проходит для того, чтобы попасть в учреждение, в клуб, в школу и в театр.

Перечень собраний и записей, сокращенно упоминаемых в статье:

Д. Зеленин. Песни деревенской молодежи. Записаны в Вятской губернии. Вятка, 1903.

В. Князев. Жизнь мододой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губ. Спб. 1913.

В. И. Симаков. Сборник деревенских частушек. Ярославль. 1913.

Сборник великорусских частушек. Под редакцией Е. Н. Елеонской. М. 1914. Красная Тальянка. Избранные деревенские частушки. Составил А. Жаров. М. 1923. (Есть второе издание 1925 г., „Красная Гармошка. — Деревенские политчастушки“, к сожалению, отсюда выключены многие интересные для нас частушки).

Василий Князев. Современные частушки 1917—1922 гг. М. и П. 1924.

Юрий Соколов. Что поет и рассказывает деревня. Журн. „Жизнь“. Июнь 1924 г., № 1, стр. 279—312.

¹⁾ Записанная у нас легенда про вола повторяется в сибирских вариантах (где фигурирует баба-корова, старичок) и отражает старый сюжет, появившийся в голодные годы. (Георгий Виноградов. Этнография и современность. „Спб. жна. старина“, 1923, I, стр. 12—13 и 15).

Іван Капустянський. Соціальна пісня на українському ґрунті. Паг. Літературний альманах. Збірник перший. Харків. 1924 р., стр. 186—211, и отд.: ДВУ. [Харків.] 1924. (Цитирую по отдельному изданию).

D. Zelenin. Das heutige russische Schnaderhüpfl (castuska). Zeitschrift für slavische Philologie. Herausgegeben von Dr. Max Vasmer. Lpz. 1925, I, 343—370.

Етнографічний Вісник [Киев], 1925, кн. I, и 1926, кн. II: Коротенькі пісні („частушки“) років 1917—1925. Передне слово О. В. Олексієвой та В. Білого и матеріали (I, 22—36); Олена Пчілка. Українські народні легенди останнього часу (I, 41—49); Никанор Дмитрук. Про чудеса на Україні року 1923-го (I, 50—61); В. Білецька. З студій над сучасними піснями. До історії походження и розвитку однієї пісні р. 1923-го (II, 38—43), и нек. др.

Частушки. Из материалов, собранных газетой „Беднота“, составил Н. Захаров-Минский. Библ. „Огонек“, № 183. М. 1926.

Современная фольклористика в Германии.

Над. Элиаш (Ленинград).

Задачей настоящей статьи является дать обзор современной немецкой этнографической фольклористической литературы, выяснить те методологические основания, на которых строятся труды современных немецких исследователей и собирателей в этой области.

Современная немецкая этнографическая литература отличается положительным богатством, интенсивностью и широтой исследования. Война и изменения государственного строя создали значительный сдвиг в культуре Германии; облик немецкого общества, его академических научных кругов в значительной мере изменился. Крайние увлечения чисто-отвлеченными, часто оторванными от конкретного материала научными теориями, заменяются интересом в сторону конкретного живого знания. Жизнь, как таковая, во всем разнообразии ее проявлений, бытовые, психологические особенности народа, его мировоззрение, взгляды, обычаи привлекают живейшее внимание немецких ученых и широких кругов общества. На смену отвлеченным теориям, сравнительным исследованиям по Völkerkunde идет усиленная собирательская и исследовательская работа в области немецкой этнографии, Volkskunde, издаются десятки журналов, посвященных материальной и духовной культуре отдельных немецких провинций, местечек и деревень.

Мы знаем, как глубоко вросло в немецкую науку это краеведческое начало, как определило оно собой научные задания в географии, естествознании, истории культуры.

Характеризуя направление современных немецких этнографов, мы должны сказать, что значительная часть их трудов идет под знаком краеведения. Не только собирательская работа, но и главнейшие исследовательские труды отмечены ярко выраженным краеведческим характером. Лучшие, наиболее ценные в этом отношении, этнографические журналы являются органами немецких краеведческих обществ¹⁾.

1) Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft f. Volkskunde. Breslau.—Hessische Blätter f. Volkskunde. Giessen.—Mitteilungen d. Vereins f. Sächsische Volkskunde.—Mitteldeutsche Blätter f. Volkskunde. Leipzig.—Niederdeutsche Heimatblätter. Hannover.—Niederdeutsche Zeitschrift f. Volkskunde. Bremen.—Bayerische Hefte f. Volkskunde.—Zeitschrift d. Vereins f. rheinische u. westfälische Volkskunde.—Mein Heimatland. Freiburg и др.